

Новая пражская поэзия

У русской и украинской литературной эмиграции первой половины XX века были разные судьбы, но есть один город, который объединил их. Этот город – Прага.

Один из самых влиятельных литературных критиков русского зарубежья Георгий Адамович писал в 1928 году: «Недавно кто-то сказал, что русская литература за рубежом существует лишь в Париже и Праге. В других городах нет литературы, есть только отдельные писатели. Слова справедливые».

Для большинства из нас русская поэтическая Прага – это, в первую очередь, Марина Цветаева и объединение «Скит поэтов», существовавшее около двадцати лет. Но в Праге действовал еще целый ряд литературных союзов и объединений. Наиболее известные из них – это «Союз русских писателей и журналистов в ЧСР», «Вторники (Литературные чаи) «Воли России», «Семинар по изучению творчества Ф.М. Достоевского», «Далиборка», литературные кружки и семинары при Русском народном (свободном) университете. Существовали русские литературно-художественные кружки и в пригородах Праги – это широко известные «Збраславские пятницы», а также «Вшенорско-Мокропсинский русский клуб», «Русский кружок в Черношице», «Русский кружок в Ржевнице». До начала второй мировой войны в Праге выходило около 30 украинских и русских литературных журналов и более 20 газет, самыми известными из которых были «Воля России», «Нова Україна», «Студентський вісник», «Своими путями», «Огни», «Русская мысль», «Книголюб». В Праге жили и работали Евгений Чириков и Петр Потемкин, Аркадий Аверченко и Альфред Бем, Василий Немирович-Данченко и Марк Слоним, Сергей Гессен и Кирилл Набоков, Алла Головина и Вячеслав Лебедев.

Для украинской литературной эмиграции Прага – город центральный, ключевой. Здесь возникла легендарная «Пражская школа», в которую входили Юрий Липа и Юрий Клен, Евгений Маланюк и Олена Телига, Оксана Лятуринская и Олег Ольжич, Юрий Дараган и Олекса Стефанович. Отец Олега Ольжича, украинский поэт и прозаик Олександр Олесь долго жил и был похоронен до недавнего времени в Праге.

Прошло сто лет, и в Праге появилась новая плеяда украинских и русских поэтов и прозаиков. Сегодня я хочу представить четырех из них – это украинские поэты Галина Бабак, Александра Вагнер и Никита Чернышенко, и российский поэт Антон Романенко.

Евгений Деменок

Александра Вагнер

Поэт, переводчик. Родилась в 1979 году в Киеве. Окончила магистратуру Киевского института журналистики, журналистикой занимаюсь до сих пор. Живу в Праге.

I.

Хочу, хочу, хочу!
Когда затягиваюсь – хочу,
Когда еду в поезде – хочу,
Когда смотрю – хочу,
Когда воображаю – хочу,
Хочу, хочу, хочу!
Чу?
Just think about it!

II.

Мне было лет двенадцать,
может быть, меньше.
Мамины подруги из института языковедения
говорили обо мне «девочка с персиковой кожей»
из-за тонких светлых, почти невидимых волосинок,
покрывавших мои щеки в то время.
Они дарили мне сладости

альманахах, на интернет-порталах. Стихи переведены на чешский, русский, английский. Поэт-билингва.

1.

становишься старше – становишься сентиментальнее

если вообще кем-то становишься

(далее могли бы быть вариации на тему)

но!

мама

размазывая пыль по полкам

нашла сочинение

ученицы 3-В класса

(удивительно, что еще тогда она не скормила его рыбам)

далее цитирую

Я очень люблю папу и маму тоже. Папа как-то сказал, что будет ходить босиком, но прокормит нас и оденет. Моя бабушка считает, что мужчина не должен помогать женщине по дому. Да и вправду, в старину мужчина охотился, а женщина берегла очаг. Но я думаю, что мужчина и т. д.

сейчас бы я написала

теперь мужчины

охотятся на мужчин

а женщины готовятся

так приходит смерть

2.

есть ли жизнь после смерти?

мой одноклассник андрей

умер

за два месяца до своего 21-го дня рождения

сердечный приступ

в автобусе

тогда было выплакано целое озеро

я иногда захожу на его страничку в фб –

и каждый раз хочется написать –

ну как ты?
и ни разу так и не написала
потому что
заведомое осознание тишины
по ту сторону
парализует
науке до сих пор не известно
да и к черту науку

3.

и вот теперь
я часто говорю себе
девочка деточка веточка –
не плачь –
распугаешь рыбу
в озере

* * *

і колосилися трави
і були ми
і дерева проростали нами
і сонце пило росу
і вітер жив у кишенях
хто простягав руки – тому було
води – води
хліба – хліба
глини – глини
і стояла хата
біля хати – дерево
біля дерева – людина
дивилася під скроню
листя... небо... птахи...
от мене не стане
а воно буде
дерево

Микита Чернишенко

Народився в Харкові у 1996 році. З 2013 року навчаюся у Празі. Цікавитися літературою і писати почав чотири роки тому. Маю публікації декількох оповідань у празькому журналі «Пороги».

* * *

живу на морі
не святкую холі
відпустив бороду
і завів там мідій –
дякувати богові
живу без субсидій!
врешті вона втекла –
моя борода
чи то біда?
живу я на морі
черепеха-острів
попестиш –
пливу

(що мало би бути спочатку:

коли безтурботно живеш на черепасі, неможна довіряти бороді,
бо вона втече з усіма твоїми мідіями).

* * *

а до речі
кого ти караєш
як не саму себе
сидиш у кав'ярні
наче снайпер
вбиваючи праліне
про це зняв би кіно
зак снайдер
якщо не зжереш його
як і мене

* * *

зірки повипадали з кишень
кому їх збирати?
знайдеться сотня-інша
хто захоче забрати
хоч декілька
а поки
легше присипати
мороком
ніччю
хмарами
наче не видно
наче не я
розсипав зірки
діряві кишені
хоча знаєш
назбираю жменю
чи
краще дві
тобі
і мені

Антон Романенко

Я родився среди мест, где снег до дьявола чист, но на самом деле с Юга. Ростовчанин из города Ростова-на-Дону, я тем не менее не склонен полагать, что принадлежность к месту – достаточно весомый признак для самоопределения, поскольку, даже если бы я был, скажем, из Марбурга, то все равно пришлось бы заключить: и все это тоже – подбья. Как следует из предыдущей строчки – люблю Пастернака и поэзию вообще. Англоман. Читаю книги и не участвую в конкурсах. Изучаю филологию в Карловом университете в Праге.

* * *

Далеко-далеко на озере чар,
Но послушайте: все моря уже вышли,
И теперь я, как айсберг, сведенный в пар,

Повторяю, как бред, эти беглые вирши
На кругах или линиях, сомкнутых в шар
Или сферу, тройное пространство которой
Постигается лучше пространством нар
Или криком полночным полночной скорой.
Ну так вот далеко – на озере чар
Без жирафов и чаш, и рифм и куплетов
Я, последний адепт акмеизма, алкал
О прощенье и вере, понятной, как смета.
А тем временем меч, возложенный на трон
Не возвышенных чувств, но возвышенных смыслов,
Нагибался с улыбкой в злосчастный поклон
И тянул на плечах неких рифм коромысло.
И глядишь, что вот-вот, еще строчка и точно
Из-за этих углов континент на ковбое
Побежит, как ноктюрн по трубе водосточной,
На манер и пример золотого гобоя.

* * *

Акации качаются скупые,
Как цапли перед долгим перелетом,
А город, обезумевший от пыли,
Потеет желто-красным, черным потом.
Потом, когда, за день зайдя, устанет
Пропарившее сутки солнце, он
Проснется и натянет свою память
Вуалью по краям в пыли колонн,
И будет так стоять, пока циклон
Из-под ведра не вымоет наружу
Весь этот карнавал словес, имен
В большую и сиреневую лужу.

* * *

Этот звук мне напомнит колокольчик брусчаток,
Поющий сонеты торговых палаток
В итальянском местечке под именем N,
Избежавшем эпохи больших перемен.

Этот звук мне напомнит итальянское piazza,
Пригласит на вино, попросит остаться,
Нальет крепкий кофе и воду с лимоном,
Позовет на причал смотреть чаек и волны.

Позовет через улочки, стоки, проспекты,
Заплетенные в узел, как строки в конспектах,
Переживших свой век гениальных студентов.
Этот звук мне напомнит карнавальные ленты.

Я сажу перед морем в итальянской кофейне.
Расцветает календула в пятом колене.
Я один пью свой кофе на фоне заката,
В море плавают тихие белые скаты.

* * *

А все-таки лучший час вечера – это когда ты уходишь.
Тут не то что ненависть, но просто простимся,
потому что еще немного и какой-нибудь коклюш
разовьется в гортани от твоего горе-гостеприимства,
от «здравствуйте» или тем более от «всего хорошего» –
в этом нету ни капли правды, равно как и ни в чем, знаешь ли.
Я это понял, меня этим только что горько по голове огорошило,
а потому до свиданья, приветствуй, прощай, баю-баюшки.
И давай обойдемся без пошлости, вроде дрожжевой дружбы.
Этот вечер будет прекрасен только нам порознь.
Вот бы выйти на улицу и попасть ночи на мушку,
к тому же и улицу уже зима заморозила.

